

УДК 94(47).066

ЗАКУЛИСНЫЕ ПЕРСОНАЖИ ЕКАТЕРИНЫ II – ОДАР И В. ШКУРИН В ТРАГЕДИИ ПЕТРА III
О. П. Ведмин

CATHERINE THE GREAT'S SECRET CHARACTERS –
 ODAR AND V. SHKURIN IN PETER III'S TRAGEDY
O. P. Vedmin

В статье рассматриваются похождения авантюриста Одаря, деятельность В. Шкурина при дворе Петра III. Исследуется их участие в деле оказания тайных услуг императрице Екатерине накануне дворцового переворота 1762 г.

The focuses on Odar notorious for his adventures, and V. Shkurin's activities at Peter III's royal court. Their involvement in the secret services provision to empress Catherine on the eve of palace revolution of 1762 is investigated.

Ключевые слова: Одар, Шкурин, Екатерина II, Пётр III, Бобринский.

Keywords: Odar, Shkurin, Catherine II, Peter III, Bobrinskiy.

В истории развития того или иного государства главную роль, несомненно, играют деятели, способные выполнять экономические, управленческие, политические функции, «организовывать» серьёзные перемены в обществе. Но не так уж мало важна «закулисная» бытовая составляющая вершителей истории, которые не могли обходиться без простых исполнителей, выполняющих миссию сохранения личных тайн или использовавшихся для амбициозных целей исторически непреходящих персонажей. Среди фигур, способствовавших, вольно или невольно, сохранению этих «личных» тайн императрицы Екатерины II и позволяющих несколько иначе взглянуть на трагичность «эпохи Петра III», конечно же, следует выделить Одаря и Василия Шкурина.

XVIII век вошёл в историю России не только как «эпоха дворцовых переворотов», но и как период Просвещения. Одновременно «осмнадцатый век» был золотым временем для многих авантюристов, которые стремились на российских землях воплотить свои мечты – добиться славы и богатства. Такая черта эпохи, как интеллектуальный авантюризм, нашла своё воплощение в таинственном выходе из Италии – Одаре. Современники называли его одним из главных заговорщиков дворцового переворота 1762 г., кто помог Екатерине взойти на престол. Однако никто из них так и не смог конкретно описать роль Одаря в этом событии. Хотя общим местом в характеристике Одаря является то, что ради денег он мог пойти на любую авантюру, а главной чертой его поведения в России была жажда к обогащению. О судьбе Одаря до приезда его в Россию сведений в архивных данных и исторической литературе практически нет, кроме тех, что родом он был из Пьемонта, северо-западной области Италии. Название Пьемонт впервые упоминается в источниках XIII в., а с 1720 г. эта область фигурирует как составная часть Сардинского королевства со столицей в Турине.

Итальянец Джованни Микеле Одар (ок. 1719 – ок. 1773 гг.) прибыл в Петербург в конце царствования Елизаветы Петровны с широко, как бы сейчас сказали, разрекламированными намерениями стать философом. Приехавшего в столицу пьемонтца тут же

взял под своё покровительство канцлер М. И. Воронцов, особенно благосклонно относившийся к образованным иностранцам. Современник тех событий, секретарь французского посольства Ж. Фавье, уточняет причину любезности канцлера к иностранцу, указывая, что из всех европейских народов у графа Воронцова «на первом месте стоят итальянцы, далее французы» [7, с. 390]. Прежде чем начать «совершенствовать» своё философское самообразование и мировоззрение в России, итальянец Одар «пробавлялся» в качестве учителя французской литературы у племянницы канцлера – княгини Е. Р. Дашковой. Как известно, М. И. Воронцов с юности был сторонником всего французского. Его дворец всегда был открыт для всех живущих в Петербурге французов, поэтому англичане из зависти дом канцлера прозвали «домом Франции». Вскоре Одар, обладающий несомненным даром «расположения к себе», при содействии своего высокого покровителя получил чин надворного советника и должность советника в коммерц-коллегии. Однако вскоре был вынужден оставить свою должность по причине незнания русского языка.

Уже в царствование Петра III княгиня Дашкова, являясь подругой императрицы Екатерины, рекомендовала ей сделать Одаря своим секретарём. В своих «Записках» Дашкова характеризовала Одаря: «образованный, тонкий, хитрый и живой человек уже не первой молодости» [5, с. 62]. Однако это ходатайство было отклонено, так как императрица не хотела иметь у себя секретарём иностранца, чтобы не навлечь на себя подозрение. К тому же иностранная переписка её была мала. Между тем, во время представления проницательная Екатерина сразу же «раскусила» авантюрный характер Одаря, позднее решив его использовать в одном тайном щекотливом деле.

Екатерина мечтала о короне, будучи ещё великой княжной. Она уже в 1756 г. стала обдумывать план захвата власти в случае смерти императрицы Елизаветы Петровны. Об этом известно из переписки Екатерины с английским послом в России Чарльзом Уильямсом. В письме от 9 августа 1756 г. Екатерина рассуждала: «Я буду царствовать или погибну». Или в том же письме можно прочитать другой её пассаж:

«всякий насильственный переворот должен совершиться в два или три часа времени». Даже если полагать, что это была интрига, затеянная Екатериной с целью получения от английского дипломата денежных субсидий, в которой, как считает известный историк Н. И. Павленко, она «водила англичан за нос» и все её утверждения о подготовке к перевороту были попросту «плодом её пылкого воображения» [13, с. 31], то сам факт переворота, осуществившегося через несколько лет, отрицать невозможно.

Казалось, что для будущей Семирамиды 25 декабря 1761 г., когда императрица Елизавета скончалась, настал час, и что недавние мечты Екатерины могли вот-вот воплотиться в жизнь. Ведь именно тогда муж княгини Дашковой, капитан гвардии Михаил Иванович, предлагал ей поднять гвардию для устранения Петра Фёдоровича от престола. Екатерина с трудом уговорила Дашкова этого не делать: «Бога ради, не начинайте вздор; что Бог захочет, то и будет, а ваше предприятие есть рановременная и незрелая вещь» [3, с. 340]. Так позднее писала об этой встрече императрица. Но она сказала только часть правды, умолчав о том, что в декабре 1761 г. у неё не было достаточных физических сил, чтобы возглавить такое мероприятие. Просто великая княгиня в это время была беременна и ждала ребёнка от Г. Г. Орлова (1734 – 1783 гг.).

До встречи Екатерины с Орловым он успел уже пройти военный путь от солдата до обер-офицера. В 1749 г. Григорий Орлов вместе со своим братом Алексеем поступили солдатами в Семёновский полк. В мае 1757 г. братья подали прошение о направлении их в Обсервационный корпус, который участвовал в сражениях с войсками Фридриха II. 1 июня они были произведены из сержантов гвардии в армейские поручики, а 9 августа прибыли в штаб корпуса и определились в Гренадёрский полк. Одновременно в том же полку стал служить ещё один их брат – Фёдор Орлов. Григорий Орлов отличился в период Семилетней войны (1756 – 1763 гг.), участвуя в сражениях с пруссаками. Во время Цорндорфского сражения 14 августа 1758 г. он получил три ранения, но оставался в строю, что сделало его популярным в офицерской среде. А 5 сентября 1758 г. его возвели в чин капитана. Весной 1759 г. он появился в Петербурге, а в 1760 г. занял место адъютанта при генерал-фельдцейхмestере графе П. И. Шувалове. С 23 февраля 1762 г. в связи со смертью своего начальника и назначением на эту должность А. Н. Вильбоа, считавшегося приверженцем императрицы, Г. Орлов в чине капитана стал служить на посту цалмейстера, то есть казначея артиллерийского штаба.

Вскоре после появления в Петербурге Г. Орлова между ним и Екатериной возникли отношения, которые не ускользнули от внимания окружающих. Например, французский дипломат при русском дворе в 1775 – 1780 гг. Корберон оставил в своих «Записках» о Г. Орлове пространную запись: «Связь между ним и Екатериной II началась в последний год царствования Елизаветы. Он поместился против дворца и видел через окна своей квартиры великую княгиню, всеми покинутую, занимающуюся одиноко в своей комнате. Он нарочно оставался дома, чтобы иметь удовольст-

вие наблюдать за нею. Это не укрылось от глаз Екатерины; к тому же она заметила, что Орлов был красив и молод. Вскоре, при содействии некоего Шкурина, бывшего в то время камердинером, а прежде придворным истопником, и горничной Екатерины Ивановны, между ними началась связь. Орлов с этой минуты поклялся своей возлюбленной, что он возведёт её на престол и начал вербовать ей приверженцев» [9, с. 113]. Следует заметить, Г. Орлов стал вербовать сторонников императрицы в казармах и кабаках, а помогали ему – его родные братья Орловы, которые в то время находились в Петербурге. Своей цели они добились, так как умелая агитация подкреплялась денежными средствами, взятыми из артиллерийской кассы.

Возможной причиной сближения Екатерины и Г. Орлова стало откровенное невнимание и даже грубое отношение к ней и её сыну Павлу со стороны Петра. Так, например, в манифесте от 25 декабря 1761 г. «О кончине Государыни Императрицы Елизаветы Петровны и о вступлении на престол Государя Императора Петра Третьего» не было ни слова сказано ни о его супруге, ни о наследнике – Павле Петровиче. Более того, Пётр III, став императором, открыто приблизил к себе фаворитку Е. Р. Воронцову – родную сестру княгини Е. Р. Дашковой, на которой, как полагали современники, собирався жениться. Рюльер – секретарь французского посланника барона Бретейля при российском императорском дворе в Петербурге, в своих записках отмечал, что, приняв всю полноту власти, Пётр III стал стремиться уничтожить «навсегда влияние жены, каждый день вооружался против неё новым гневом, почти отвергал своего сына, не признавая его своим наследником» [17, с. 67 – 68]. Позднее Екатерина II в письме к Понятовскому от 2 августа 1762 г. писала о бывшем императоре, что «он хотел переменить веру, жениться на Л. В. (Елизавете Воронцовой), а меня заключить в тюрьму». Забеременев от Г. Орлова, Екатерина, естественно, хотела скрыть этот факт от сторонних глаз, тем более от мужа, не желая давать ему повод для развода. По нашему мнению, из этой затруднительной ситуации императрице помог с честью выйти В. Г. Шкурин.

Василий Григорьевич Шкурин (умер в 1782 г), будущий камердинер императрицы Екатерины II, был взят к императорскому двору 12 марта 1741 г., но не в качестве истопника, как об этом нередко пишется в литературе, а в качестве помощника кофишенка с жалованием в 30 руб. в год. Его главная обязанность была – лично приносить из кухни в столовые комнаты заморские напитки: кофе, чай и шоколад.

Сразу же по прибытии в Петербург из Голштинии 5 февраля 1742 г. герцога Карла Петра Ульриха – племянника Елизаветы Петровны (будущего великого князя и наследника всероссийского престола) Василий Шкурин был включен в штат его комнатных служащих. И за три месяца службы у герцога завоевал у него полное доверие. Шкурин находился на придворной службе в покоях великого князя более 8 лет. Даже став императором, Пётр Фёдорович не забыл своего «кофишенского помощника», пожаловав его 20 февраля 1762 г. чином и жалованием действительного подполковника [18].

Императрица Елизавета же пожаловала В. Шкурина в камер-лакеи 29 мая 1750 г. и определила его при комнате Её Императорского Высочества. В его обязанности входило не только их быстрое выполнение, но и вменялось вести наблюдение за Екатериной. С последним заданием Шкурин, на первых порах, справлялся с большим усердием. Но уже в 1752 г. он превратился из доносчика в верного и преданного слугу Екатерины. С 18 декабря 1757 г. по 1 июля 1762 г. В. Шкурин стал служить великой княжне Екатерине Алексеевне (с 25 декабря 1761 г. – императрице) камердинером [8, с. 45]. И его время проявить «явное усердие и верность» княгине пришло. В 1758 г. был арестован канцлер А. П. Бестужев, который вёл секретную переписку с Екатериной по проекту об устранении Петра Фёдоровича от престола и возведении на царство малолетнего Павла под опекой Екатерины. Шкурин дал ей возможность сноситься через него с арестованными лицами по делу Бестужева и быть в курсе следствия. Кроме того, он помог великой княгине собрать все бумаги, находящиеся в её покоях, которые за тем были сожжены в камине самой Екатериной.

Наконец, 11 апреля 1762 г. у великой княгини родился сын, отцом которого был Григорий Орлов. Позднее этот ребёнок получил имя Алексея Григорьевича Бобринского. Исследователи, как правило, аргументируют этот факт, ссылаясь на работу Гельбига «Русские избранные». Георг Адольф Вильгельм фон Гельбиг прибыл в Россию в 1787 г. в качестве секретаря саксонского посольства. Он был лично известен Екатерине II. На протяжении восьми лет, проведённых в России, он собирал материал о жизни русского двора XVIII века. О Шкурине он сообщает такие биографические детали: «Во время появления на свет Бобринского Шкурин поджёг свой деревянный дом в отдалённой части города, чтобы удалить императора из дворца, так как было известно, что Пётр III присутствовал на всех пожарах. В ту же ночь Шкурин взял новорожденного ребёнка к себе, в заранее приготовленное к тому помещение, и держал его постоянно при себе» [4, с. 198].

Проверяя достоверность этих сведений, мы выяснили, что, во-первых, деревянный дом Шкурина действительно существовал, и хозяин дома в своё время даже пытался его продать. «Санкт-Петербургские ведомости» за 26 ноября 1759 года дали следующее объявление: «На Санктпетербургском острове (ныне о. Петроградский – О. В.) у пеньковых амбаров желающим купить деревянной дом камердинера комнаты Ея Императорского Высочества, Государыни Великой Княгини, Василья Шкурина, о цене осведомиться в том же доме». Во-вторых, из другого источника черпаем ещё одно подтверждение того, что император Пётр III действительно имел страсть наблюдать за пожарами в Петербурге. Об этом свидетельствуют «Камер-фурьерские журналы», в которых изо дня в день отмечались все события при дворе. Приведём выдержки из журнала о пожарах за февраль 1762 г.:

«1-го числа, в Пятницу, ...Его Императорское Величество изволил ездить на случившийся тогда, в

приходе Симионовском, в доме Майора Кокорина пожар»;

«20-го числа, в Среда... Вечернее кушанье Его Императорское Величество изволил кушать с некоторыми кавалерами в Своей столовой комнате, а пополуночи в 4-м часу изволил выход иметь на случившийся, на Вознесенской улице, в доме купца Шапошникова пожар»;

«26-го числа, во Вторник, по утра в 12-м часу, Его Императорское Величество изволил Высочайший выход иметь на случившийся в доме Его Сиятельства Графа Алексея Григорьевича Разумовского пожар, откуда возвратиться изволил пополуночи в 1-м часу» [6, с. 40, 45].

К большому сожалению «Камер-фурьерские журналы» за март – июль 1762 г. отсутствуют. Поэтому невозможно точно указать, когда состоялся выезд Петра III на пожар к дому Шкурина. Вероятность же этого события очень высока. О том, что журналы велись, говорит ордер заведовавшего делами Придворной конторы Н. М. Голицына от 31 марта 1764 г. Голицын требовал в нём от камер-фурьеров, чтобы те «предписанные журналы в немедленном времени» представили в контору вместе с рапортом. А. С. Мыльников резонно отмечает, что журналы могли быть изъяты из ведения Придворной конторы только по желанию Екатерины II, поскольку «содержали нежелательные для неё сведения» [12, с. 174]. Причины изъятия ли, уничтожения, «потери» своего рода документов, содержащих отчёт обо всех передвижениях высочайших особ, об их здоровье, встречах и т. д., вполне могут быть связаны как с беременностью и последующими родами, тайным обустройством внебрачного ребёнка, так и с подготовкой «дворцового переворота» Екатериной. Представляется, что обе эти причины имели место одновременно. Поэтому к работе Гельбига «Русские избранные», которая считается у историков практически единственным доказательством появления на свет ребёнка – будущего графа Бобринского, можно добавить косвенные аргументы, подтверждающие версию.

Так, например, существует ещё один вариант рассказа о событиях, «устроенных» Екатериной для отвлечения Петра III от разрешения её «щекотливого положения» при помощи использования патологической страсти Петра III к пожарам, и размещённый в «Записках» барона Модеста Андреевича Корфа (1800 – 1876 гг.), сделанный со слов графа Д. Н. Блудова – знатока русской истории. Только в нём не оказалось места для В. Шкурина – камердинера императрицы, а пальма первенства отведена Ивану Симоновичу Гендрикову (1719 – 1778 гг.), который был родным племянником императрицы Екатерины I по матери Христине, рождённой Скавронской. Первоначально Гендриков учился в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, а после выпуска из него служил в армии, позднее – уже в Преображенском полку. В 1744 г. он был назначен камергером к великой княгине Екатерине Алексеевне, сочетая при этом придворную должность с военной карьерой. Но 4 апреля 1762 г. Пётр III уволил со службы генерал-поручика и

действительного камергера графа Ивана Гендрикова с чином полного генерала и пенсионом.

По утверждению автора «Записок», именно к Гендрикову за помощью решила обратиться Екатерина. Вот как об этом говорится в «Записках»: «Ты часто уверял, – сказала она, – что готов пожертвовать для меня и состоянием, и жизнью. Теперь настало время испытать тебя, хотя речь идёт не о жизни и не о состоянии, а только о части последнего, за которую мне нетрудно тебя вознаградить. Гендриков повторил свои клятвы в своей беспредельной преданности, и тогда Екатерина открыла ему своё положение и свой план. У него был дом на Петербургской стороне, из окон которого был виден Зимний дворец. Условились, что при известном сигнале из последнего Гендриков тотчас зажжёт свой дом, так как император присутствовал на каждом пожаре в столице. Так и сделалось. Пётр посакал на пожар, а между тем Екатерина благополучно разрешилась сыном» [10, с. 356 – 357].

Сомнений в правдивости приведённых данных М. А. Корфомв части повествования о том, что дворец Гендрикова действительно горел 8 апреля 1762 г., практически не остаётся. Достаточно изучить распорядок дня Петра III в апрельские дни 1762 г. В «Дневнике» статского советника Мизере, служившего при русском дворе, за 8 апреля есть следующая запись: «При дворе ничего. Его импер. величество обедал у его высочества принца Георга в обществе герцогского семейства. Ночью вспыхнул сильный пожар на дворе графа Гендрикова. Сгорел его прекрасный дом, совершенно новый (в котором потолки и картины над дверьми были работы Гуарани и других венецианских художников). Сгорела тоже реформаторская церковь и несколько других домов. Его импер. велич. командовал верхом и остался на пожаре с принцем Георгом до 4 часов утра» [11, с. 60]. Пётр III вышел из себя, когда случился большой пожар в столице. Он даже отменил назначенное на 9 февраля собрание (курзал) при дворе, которое обычно сопровождалось концертом. К императору был направлен секунд-майор П. П. Воейков с рапортом «О бывших на пожаре лейб-гвардии Преображенского полку разных чинов» [15, л. 5]. В этот же день вышли два именных указа Петра III о предотвращении в столице пожаров: «О нестройности на погорелых местах и вместо обветшалого, вновь деревянного здания» и «О содержании при всех домах в Санктпетербурге колодцев».

Однако с утверждением о том, что Екатерина родила именно во время этого пожара или хотя бы в этот день, согласиться вряд ли возможно. Представляется, что в Петербурге в апрельские дни 1762 г. было организовано два поджога домов: графа И. С. Гендрикова и В. Г. Шкурина. Как следует из наших предположений, с опорой на исторические источники, поджоги были совершены именно с целью обеспечения условий тайного рождения ребёнка императрицы.

Можно реконструировать и хронику тех событий. 8 апреля Екатерина почувствовала себя плохо, поэтому был дан сигнал к первому поджогу – дома Гендрикова. Но в это время императрица не смогла разрешиться от бремени. Лишь в ходе второго пожара Екатерина успешно произвела на свет ребёнка, который был тайно вынесен из дворца В. Шкуриным и

был взят им на воспитание в свою семью. Только произошло это событие вовсе не 8 апреля, а 11. О рождении А. Г. Бобринского 11 апреля 1762 г. императрица Екатерина поведалаему сама в собственноручном к нему письме от 2 апреля 1781 года [20, с. 13].

Осталось выяснить: кто же был поджигателем? Гендриков и Шкурин только давали согласие императрице на поджог своих домов, но они явно их не поджигали. Особенно это касается Шкурина, так как он должен был постоянно находиться при Екатерине. Наиболее вероятным поджигателем, особенно в первом случае, является итальянец Одар. Пьемонтец был всегда болтлив. Он в разговорах с французским послом в Петербурге – бароном Бретейлем, с которым водил дружбу, однажды сказал следующее: «Я рождён в бедности; я видел, что в мире только деньги имеют значение; я хочу их иметь; я пойду, чтобы достать их, сегодня вечером поджечь дворец; когда я их буду иметь, я вернусь в свою страну и буду жить вполне честным человеком, как и другие» [16, с. 137]. Поджог дома Шкурина, по-видимому, также был делом рук Одара. Об этом свидетельствует особенная расположенность Екатерины к нему, которая подкрепилась довольно скоро и материально. Уже в мае 1762 г. по ходатайству Екатерины, Одар перешёл в придворное ведомство в качестве надзирателя за именными императрицы.

По нашему мнению, теми самыми событиями возможно и ограничивается роль Одара в подготовке дворцового переворота 1762 года, несмотря на то, что дипломаты-очевидцы в один голос повторяли, что он являлся одним из главных заговорщиков против Петра III. Австрийский посланник – граф Мерси д'Аржанто даже характеризовал его «секретарём заговора». Некоторые современники пытались также доказать, что Одар оказался в рядах главных сторонников императрицы по причине особых его отношений с Е. Дашковой. Так, в одной рукописной книге о Екатерине сообщается, что княгиня Е. Р. Дашкова, будучи ближайшей подругой императрицы, втянула Одара в заговор, так как он был её любовником. В рукописной книге приводятся более подробные сведения об этом: «Пьемонтец Одар был красив собою, учил её французской литературе и после заслужил её любовь. Она сумела его привязать [к] себе, сделав его своим секретарём» [14, л. 71 об.]. С выходом же работы Рюльера о восшествии на престол Екатерины II в 1797 г. княгиня Дашкова вынуждена была себя защищать от многих фактов, приведённых в этом сочинении. Она составила краткий список опровержений против Рюльера – «числом семнадцать». Второе замечание было следующим: «Я никогда не была любовницею... ни чьею либо» [6, с. 360].

Однако доподлинно неизвестно, как Одар оказался осведомлённым о готовящихся планах заговорщиков против Петра III. Знал ли он о них от самой княгини, или, что более вероятно, с успехом подслушал у самих участников заговора в ходе их келейных бесед в доме княгини Дашковой, где он часто бывал. Тем не менее факты показывают, что в июньские дни 1762 г. императрица Екатерина и княгиня Дашкова обоюдно оказались заинтересованными в его временном удалении из Петербурга.

Произошло это по совету Дашковой, после одной из очередных распрей Петра III и Екатерины. 9 июня, во время празднования мира с Пруссией, на торжественном обеде во дворце, на котором присутствовали высшие сановники и послы иностранных государств, Пётр III публично нанёс оскорбление Екатерине, назвав её дурой. Императрица сначала залилась слезами, но потом, желая поскорее оправиться, обратилась к стоявшему за её стулом камергеру, графу А. С. Строганову, и попросила его начать какой-нибудь остроумный разговор, что Строганов и исполнил. Как только обед был закончен, Пётр III приказал выслать Строганова на его дачу на Каменном острове [5, с. 60]. Дашкова в «Записках» сообщает, что когда Строганов был сослан к себе на дачу, она «посоветовала Одару поехать с ним», где итальянец находился последние три недели перед переворотом, и что она «его не видела ни разу» за весь этот период [5, с. 63]. Явно всё это происходило не без ведома Екатерины.

Одар же свою временную изоляцию воспринял как должное, решив использовать свою осведомлённость для новой авантюры с тем, чтобы получить ещё большую сумму денег дополнительно, но уже из рук французского дипломата. Именно такую попытку историки трактуют как факт, причём единственный, участия Одаря в подготовке событий 28 июня 1762 г. Однако по нашему убеждению – то была исключительно авантюрная попытка, входе которой он представился посредником в переговорах между Екатериной и Бретейлем, французским дипломатом. Одар обратился к дипломату от имени императрицы, которая якобы попросила у того ссуду в размере 60000 рублей на переворот, чтобы устранить с престола Петра III.

Действительно, 13 июня Одар встретился с бароном Бретейлем, как раз накануне его отъезда из России. Французский дипломат сразу же посчитал просителя денег тёмным авантюристом. Посол во время беседы вёл себя деликатно, но потребовал от Одаря первоначально предоставить ему записку от императрицы в аллегорической форме на предмет получения желанной для неё суммы. На следующий день посол уехал, поручив секретарю посольства Беранже принять Одаря. Через несколько дней по инициативе просителя их встреча произошла под покровом поздней ночи, да ещё и в пустынном месте. Но вместо записки, которую требовал ещё барон, Одар на встречу принёс другую: «Покупка, которую мы хотели сделать, будет несомненно сделана, но гораздо дешевле;

нет более надобности в других деньгах» [2, с. 265]. Итак, эпизод с получением денег Одаром завершился ничем.

О том, что это была очередная авантюра, говорят и следующие обстоятельства. Во-первых, Екатерина не могла поручить столь деликатное дело Одару, так как он проживал в это время на даче графа А. С. Строганова находящегося под домашним арестом, по сути, под контролем полиции. Во-вторых, в деньгах у заговорщиков в тот период недостатка не было, так как ещё в феврале 1762 г. Г. Г. Орлов получил место казначея артиллерийских войск. Не исключено, что Одар рассчитывал в случае провала своей миссии даже если об этом узнает императрица, оправдаться перед ней. А рискнуть хотелось, так как указанная сумма, например, равнялась жалованью действительного камергера за 40 лет его службы при дворе.

Беранже вновь встретился с Одаром уже после дворцового переворота, когда на русском престоле была Екатерина II. 2 июля 1762 г. французский секретарь доносил из Петербурга в Версаль об Одаре следующее: «Он совсем не богат и, размышляя о превратностях судьбы и изменчивости человеческих жизней, он говорил мне позавчера, что стремится только обеспечить себе убежище, помещая в банк Венеции или Генуи то, что позволило бы ему вести приятное существование философа» [19, с. 12].

В июле 1762 г. Одар покинул Петербург. По официальной версии он отправился на родину за своей семьёй. Но факты говорят о том, что его просто «потихому» выпроводили из страны и задним числом даже оформили оплачиваемый выезд. Об этом свидетельствует письмо канцлера М. И. Воронцова к своему племяннику А. Р. Воронцову от 21 августа: «Он получил позволение отъехать в Италию, для привезения сюда своей фамилии, и уже с месяц времени как отъехал; поныне он не получал ещё награждения, как токмо 1000 рублёв для проезду своего» [1, с. 106]. 9 августа был опубликован манифест Екатерины II об активныхучастниках переворота и получении ими соответствующего вознаграждения. Имя Одаря в этом документе не значится. Согласно свидетельству датского дипломата Андреаса Шумахера Одар в более позднее время «самым решительным образом протестовал против того, что его не причислили официально к числу спасителей отечества» [21, с. 299]. С отъездом же Одаря к себе на родину заканчивается первый период его нахождения в России.

Литература

1. Архив князя Воронцова. – М., 1872. – Кн. 5.
2. Безобразов, П. В. О сношениях России с Францией / П. В. Безобразов. – М., 1892.
3. Воцарение Петра Третьего по рассказу Екатерины Второй // Русский архив. – 1907. – Кн. II.
4. Гельбиг, Георг фон. Русские избранники / Георг фон Гельбиг. – М.: Воениздат, 1999.
5. Дашкова, Е. Р. Литературные сочинения / Е. Р. Дашкова. – М.: Правда, 1990.
6. Журналы камер-фурьерские, 1762 года. – Б.М. Б.г.
7. Записки Фавье // Исторический вестник. – 1887. – Кн. VIII.
8. Иванов, О. А. Загадки русской истории: восемнадцатый век / О. А. Иванов, В. С. Лопатин, К. А. Писаренко. – М.: Древлехранилище, 2000.

9. Корберон, М.-Д. Из записок / М.-Д. Корберон // Екатерина. Путь к власти. – М.: Фонд Сергея Дубова, 2003.
10. Корф, М. А. Записки / М. А. Корф. – М.: Захаров, 2003.
11. Мизере. Дневник статского советника / Мизере // Екатерина. Путь к власти. – М.: Фонд Сергея Дубова, 2003.
12. Мыльников, А. С. Он не похож был на государя...: Пётр III. Повествование в документах и версиях / А. С. Мыльников. – СПб.: Лениздат, 2001.
13. Павленко, Н. И. Екатерина Великая / Н. И. Павленко. – М.: Молодая гвардия, 2000.
14. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 187. Оп. 2. Д. 125.
15. РГАДА. Ф. 203. Оп. I. Д. 83.
16. Русский двор сто лет тому назад. – СПб., 1907.
17. Рюльер, К.-К. История и анекдоты революции в России / К.-К. Рюльер // Екатерина II в воспоминаниях современников, оценках историков. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998.
18. Санкт-Петербургские ведомости. – 1762. – 5 апреля.
19. Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1912. – Т. 140.
20. Собственноручные письма императрицы Екатерины II-й к графу А. Г. Бобринскому // Русский архив. – 1876. – Кн. III.
21. Шумахер, А. История низложения и гибели Петра Третьего / А. Шумахер // Дворцовые перевороты в России 1725 – 1825. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998.

Информация об авторе:

Ведьмин Олег Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КемГУ, 8-3842-21-08-87, lubyaginal@mail.ru.

Oleg P. Vedmin – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.